

Рец. на: Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917 — 1918 г. Сборник документов / Под ред. прот. Владимира Воробьёва. Сост. Л.Б. Милякова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 942 с.

Gleb Zapalskiy

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: Otdeleniye Tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot Tserkvi v Sovetskoj Rossii. Oktjabr' 1917 — 1918 g. Sbornik dokumentov. Moscow, 2016

DOI: 10.31857/S086956870010155-1

Подготовленный в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете сборник освещает процесс отделения Церкви от государства в Советской России с октября 1917 г. до конца 1918 г. В него вошли источники, извлечённые из фондов ГА РФ, РГАСПИ, ЦГА МО и Отдела рукописей РГБ, а также из Собрания узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства, светской и церковной периодики революционных лет. Конечно, публикаций, посвящённых данной тематике, было уже немало¹. Все они детально разобраны в книге, причём с небезосновательной критикой, С.Г. Петровым. По сравнению с ними рассматриваемая подборка отличается гораздо большей полнотой: она включает 649 документов, исходящих как от советской власти, так и от Церкви.

Нельзя не отметить высокий научный уровень издания. Тексты удобно сгруппированы по темам и разделам: разработка секулярного законодательства, создание государственных структур, отвечавших за его реализацию, конфискация имущества храмов и монастырей, наложение контрибуций, налогов и повинностей на духовенство, отделение школы от Церкви, заключение и расторжение браков, введение нового календаря, похоронное дело и т.д. Все материалы сопро-

вождают развёрнутые публикаторские заголовки, датировка, археографические примечания и легенды с указанием резолюций и помет, а также мест архивного хранения, предыдущих публикаций и проч.

Книгу открывают три подробных предисловия: источниковедческое (С.Г. Петров), историческое (Л.Б. Милякова) и археографическое (И.А. Зюзина, Л.Б. Милякова). Том снабжён многочисленными комментариями, географическим и именным указателями. Правда, в географическом указателе не оказалось монастырей, хотя в текстах о них говорится очень часто. Именной указатель дополняют краткие биографии некоторых исторических деятелей, однако принцип их отбора не оговорен и непонятен. Так, среди них есть, к примеру, Л.Д. Троцкий и Н.А. Бердяев, но нет В.И. Ульянова (Ленина), И.В. Сталина и С.Н. Булгакова, тогда как все они в томе упоминаются. К сожалению, отсутствует и список использованных архивных дел и литературы.

Важная особенность сборника — сочетание разноуровневых и разножанровых источников: фрагментов из конституции, декретов и их проектов, постановлений СНК и наркоматов, протоколов заседаний СНК, докладов, отчётов, запросов и прошений с мест, газетных сообщений и т.д. При

этом, естественно, большее внимание уделено Москве — политической и церковной столице, хотя отражены и события, происходившие в разных концах страны. Видно, как на всех уровнях, в различных регионах постепенно и не всегда последовательно складывалась антирелигиозная работа: иногда предельно жёстко, иногда пассивно, изредка даже с оттенком сочувствия к верующим.

Наличие в книге документов и советских, и церковных органов позволяет проследить формирование как политики большевиков, так и реакции на неё верующих, зарождение их сопротивления. Расхождение в текстах противостоявших сторон выражалось даже в орфографии. Так, если православные люди писали слово «Церковь» с прописной буквы, то советские чиновники — со строчной. То, что составители сохранили этот разноречивый в публикации, можно только поставить им в заслугу.

В целом столкновения из-за веры в 1917—1918 гг. были очень острыми. Большевики, придя к власти, безотлагательно занялись борьбой с Церковью. Первые затрагивающие её интересы декреты появились уже в конце 1917 г., одновременно начали создаваться управленческие структуры, осуществлявшие новый курс. Как отмечает Милякова, практические действия большевиков были гораздо более радикальны и разрушительны, чем провозглашалось в программе партии. Даже в краткий период, охваченный в сборнике, происходило множество арестов и расстрелов священнослужителей, выселение монастырей в трёхдневный срок, совершались разгромы храмов и обителей. Всё это сопровождалось открытым глумлением над верующими. На официальном документе — ордере, выданном ВЧК на «очистку» Ивановского монастыря

в Москве, сохранилась помета «личного происхождения»: «Начальнице Ивановского монастыря на память об “ужасных большевиках”» (с. 409).

В свою очередь Церковь в то время фактически не признавала новую власть. Наиболее наглядно это проявилось в посланиях патриарха Тихона 1918 г.: 19 января он объявил анафему гонителям православной веры, а 26 октября, обращаясь к «нынешним вершителям судеб нашего Отечества, называющим себя “народными” комиссарами», отказался благословлять их власть. Контакты с ними были неизбежны, но при этом от имени Церкви выступали, как правило, отдельные лица или скромные делегации. Большевики реагировали на такое отношение болезненно и зачастую использовали его как повод для ещё большего ужесточения гонений. М.Н. Покровский заявлял на заседании Государственной комиссии по просвещению 24 августа 1918 г.: «Идти навстречу церкви и делать ей уступки мы не имеем оснований, тем более что до сих пор церковь нигде и никаким формальным документом не признала Советской власти. Даже обращение к нам не носит характера официальных сношений от учреждения, а просто — частных заявлений отдельных лиц» (с. 701).

Контакты Поместного собора Русской Церкви с СНК в 1917—1918 гг. хорошо известны. Но в сборнике приводятся очень интересные материалы уполномоченного Собором Н.Д. Кузнецова, находившегося почти в ежедневной переписке с правительственными учреждениями и деятелями (в частности, с управляющим делами СНК В.Д. Бонч-Бруевичем). Кузнецов, к которому стекалась масса прошений от монастырей, приходов, священнослужителей, стал, по сути, церковным адвокатом, искавшим воз-

можности для конструктивного диалога, объяснявшим новым властителям нужды верующих, указывавшим на противоречие отдельных мероприятий советской власти советскому же законодательству, принципу отделения Церкви от государства, напоминая о возможности потери властью авторитета, об опасности народного недовольства и волнений.

Порою удавалось наладить не только спокойное, но почти дружественное взаимодействие. Так, протопресвитер Успенского собора Николай Любимов обменивался с Бонч-Бруевичем весьма любезными письмами о пропуске священнослужителей в Кремль, корреспонденты обращались друг к другу не иначе как «милостивый государь», «Ваш покорнейший слуга» и т.п. Управляющий делами СНК великодушно предлагал: «Будьте любезны впредь за всеми Вашими нуждами, касающимися нас, представителей гражданской власти Российского правительства... обращаться лично ко мне» (с. 293, 296). Митрополит Макарий (Невский), подвергшийся ограблению, обратился за помощью к Ленину. Председатель СНК проявил неожиданное участие, поручив народному комиссару юстиции Д.И. Курскому «совершенно немедленно назначить строжайшее судебное следствие по возмутительному делу об оскорблении действием 80-летнего старца бывшего митрополита Московского Макария и о других противозаконных поступках группы лиц, ворвавшихся во время богослужения в Николо-Угрешский монастырь» (с. 449—452). Впрочем, выявить и задержать преступников так и не удалось, что было вполне предсказуемо.

Далеко не все большевистские замыслы воплощались в жизнь. В 1918 г., после перехода на новый стиль, началось обсуждение ещё более грандиоз-

ной реформы — замены христианской эры летоисчисления новой, социалистической, ведущей отсчёт от октября 1917 г. (по аналогии с французским революционным календарём). Некоторых эта идея увлекла. К примеру, С.А. Есенин в 1918 г. датировал свои книги «2-м годом I-го века». Однако дальше разговоров дело не пошло. Более того, в 1917—1918 гг. крупнейшие церковные праздники официально ещё оставались нерабочими днями, а на Пасху можно было отдыхать пять дней.

В ряде случаев большевики пытались использовать церковные правила в своей политике. Например, заместитель народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерин в докладной записке о введении нового стиля отмечал: «Давно уже авторитетные представители церкви указывали, что переход к другому календарю не нарушает канонов. Основным препятствием было опасение, что введение григорианского счисления будет истолковано как уступка православия католичеству. Ныне, при изменившихся политических обстоятельствах, не может быть и речи о каких-либо посягательствах со стороны католичества по отношению к православию» (с. 575). Любопытно также, что комиссар юстиции в Калужской республике (существовавшей несколько месяцев в 1918 г.) настойчиво требовал от священников беспрепятственно венчать лиц, разведённых гражданским порядком. Наркомюсту пришлось разъяснять, что венчание и отказ от него — исключительно частное дело, не имеющее для новой власти значения.

Вообще нередко наиболее радикальные и даже безумные предложения по борьбе с Церковью шли «снизу». Так, Л. Сумбатова в письме Ленину настаивала на суде над иерархами за их коллективное преступное гипно-

тическое влияние: «Несмотря на моё решение никогда не переступать порога их церкви, они подстроили так, что я в Троицу сразу почувствовала желание пойти в Казанский собор... То, что они производят надо мной — убийство и ещё гнуснейшее, так как, порабощая мои желания, они убивают лучшую сторону человека — его “Я”». Представителям власти не раз приходилось сдерживать население от ареста настоятелей монастырей и приходов, вмешательства в их назначение, в богослужебные вопросы и т.п. НКВД в особой инструкции призывал местные Советы не допускать самочинных захватов обителей и не реквизируют почитаемые предметы культа, «щадя религиозные чувства верующих граждан» (с. 284). Видимо, в 1917—1918 гг. большевики не отличались последовательностью, ещё не были готовы выступить против Церкви единым фронтом на всех участках, местами они только нащупывали почву.

С другой стороны, православные прихожане не только заявляли протесты, устраивали массовые акции и создавали братства для защиты святынь, но и старались адаптироваться к меняющейся реальности. К примеру, ими предпринимались попытки переоформить закрываемые домовые храмы в качестве приходских. Некоторые монастыри уже весной 1918 г. превратились в «трудовые религиозно-демократические коммуны», «сельскохозяйственные общины-коммуны» и т.п. С конца 1918 г., когда эту практику одобрили Священный Синод и Высший церковный со-

вет, она стала массовой. Многие священнослужители, оставаясь в церковном клире, устраивались на работу в советские учреждения. Так, архимандрит Арсений (Денисов) возглавил церковно-исторический отдел Комиссии по охране памятников искусства и старины при Московском совете рабочих и солдатских депутатов.

В книге можно обнаружить многочисленные неточности. В ней утверждается, например, что ряд декретов публикуется впервые (с. 46), тогда как они не вступили бы в силу, не будучи опубликованы. При перечислении подписей братии Чудова монастыря напечатано «указанные послушники» вместо «указные послушники» (с. 304). Но в целом высокий научный уровень и ценность сборника неоспоримы. Его можно не только рекомендовать широкой читательской аудитории, но и приводить в пример как весьма качественную и объёмистую публикацию документов, осуществлённую церковным издательством.

Примечание

¹ См., в частности: К истории отделения церкви от государства и школы от церкви в СССР: Документы и материалы / Публ. М.М. Персица // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 5. М., 1958. С. 3—49; Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М., 1995; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941: Документы и фотоматериалы / Под ред. Я.Н. Шапова. Сост. О.Ю. Васильева. М., 1996.